

..... **Оглавление**

ЧАСТЬ I

Перевёртыш9

ЧАСТЬ II

Дети, которых мы не родили125

Про Лиду, которая была очень одинокой,
будучи замужем146

История про Катю, которая не могла выйти замуж ...169

Чужой на дачном участке191

Чужое желание, или Как Ира ошиблась
в новогоднюю ночь208

Как Марина стала любовницей своего мужа
и встретила Новый год не одна223

Как успеть за новогодний стол, или Как важно
опоздать вовремя243

Толстенькая Оля и худенькая Тоня, или Сколько
весит счастье?252

Брусничные слёзы261

Мамины судочки275

Неудачное свидание282

Откровение небес290

Предсмертная уборка297

Сервиз303

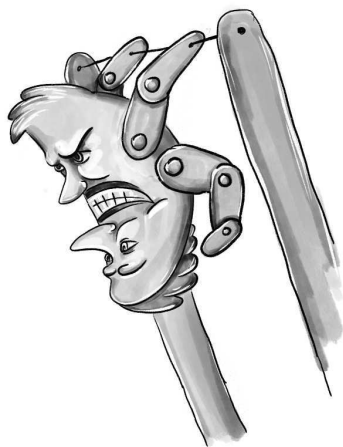
Пять платьев Беатрис307

Непрощённая в воскресенье.....319

Ссора.....335

Люди348

Ч А С Т Ь



••••• Перевертыш

Перед глазами мелькали тёмные скользкие стены туннеля, пролетающие за окнами вагона. Непривычно было ощущать себя среди такого количества людей, в самом эпицентре дневной давки — на Кольцевой даже в обеденное время много пассажиров. За последние годы Виктор отвык от метро, которым пользовался в студенческие годы, — купив машину, позволял себе шиковать. Сейчас с деньгами было туго, заказчик находился на другом конце города, и в целях экономии Виктор воспользовался подземкой.

Он ехал в метро с очередной провальной встречи. Покупатель не только отказался внести вторую часть оплаты за товар, но и затребовал назад ранее перечисленные деньги.

В метро можно ездить по-разному. Одни торопятся, ничего не видят вокруг, несутся сломя голову, расталкивая своих сотоварищей по утреннему метро-спринту всеми частями тела. Это особое искусство — умудриться прокатиться в московском метро в час пик. Спасайся кто может! Момент, когда всем резко понадобилось в одно и то же место в одно и то же время, причём каждому туда нужно больше других. Приоритетов нет, забыты все правила приличия, главное — ловко пропихнуться. Особенно тяжело девушкам на шпильках. Как они вообще умудряются выжить в этих экстремальных условиях да ещё сохранить в целостности причёску, колготки и сумочку? А потом, вынырнув из пасти подземного перехода, отряхнуться, чуть поправить волосы, протереть туфли от следов мастодонтов и поплыть по улицам Москвы в сторону ближайшей кофейни эдакой павой-лебедью, будто бы вышедшей из шикарного авто. Мастерицы, одним словом!

Другие же, как наш Виктор, например, едут неторопливо, будто без цели, хотя и вправду его цели на сегодня закончились. Ещё утро, а ехать уже никуда не нужно. Хотя нет, нужно — да некуда.

Вот и накатывает круги по кольцевой, почём зря протирая вагонное кресло, обтянутое пессимистичным дерматином.

• • • • •

Витя родился в семье самых простых москвичей. Тут меня кто-то захочет поправить: мол, ага, «простых москвичей»! А Витя никак не влиял на место своего рождения, он родился сразу москвичом, и то, о чём некоторые мечтают и к чему стремятся, досталось ему изначально.

Почему москвичи так кичатся своим происхождением? А вот и не кичатся. Быть рождённым в Москве не хуже и не лучше, чем где-либо ещё. Тебе ничего с неба само по себе не падает, хотя многие так ошибочно думают.

Отец и мать Вити работали в одном НИИ: туда они пришли ещё совсем молодыми, после института, в котором и познакомились. Поженились, создали крепкую социальную ячейку, пусть не сразу, но родили сына. Про такую семью принято говорить «среднестатистическая». Ровненько так жили, рабо-

тали, отдыхали, весь год копили по чуть-чуть. То мебель прикупят, то сыночка на море свозят. Всё как у всех — средненько и серенько, без фейерверков и шампанского. Жили по строго заведённому графику. Утром — на работу, вечером — домой, ужин под новости по телеку, потом спать. В выходные — на рынок, продукты — по полочкам, уборка, променад вдоль достопримечательностей района, уроки, отбой.

Были у них и тёплые семейные вечера, выкраиваемые из всей рутины бытия. Особенным событием было квашение капусты. В первую субботу октября, когда уже продают позднеспелую капусту, шли на рынок. Отец брал тележку — сумку на колёсах. Витя терпеть её не мог — какой-то позор с ней ходить, хотя везти назад пятнадцать килограммов капусты в ней было удобно, не поспоришь. Осенний рынок выглядел притихшим. Нет такого буйства красок и ароматов, как летом или весной. На всех рядах — морковь, лук, картошка, румяная свёкла, и, словно сбежавшие снеговики, высятся крупные, почти белые капустные шары. Отец долго ходит, с чувством и толком похлопывает кочанчики — те радостно отзываются гулким уханьем из нутра,

словно прося взять их с собой, — переговаривается с продавцами:

— *Это «Слава» у вас?*

— *«Слава», «Слава», бери, хозяин, крепкая, отличная капуста получится.*

— *Да поди врѣшь, что «Слава»! Откуда ты её привѣз-то?*

— *Мы из Тамбова приехали, своё хозяйство у нас, вот, хочешь — попробуй, жена сама квасит и квашеную тоже продаёт!*

К слову сказать, «Слава» была у всех — этот факт удивлял Витю, ставя под сомнение подлинность слов продавцов. Устав выбирать и напробовавшись, отец наконец определяется, и их заветные кочанчики укладываются в тележку. Потом брали толстенькую короткую морковь, обязательно с круглым кончиком. «Такая — самая сочная и сладкая!» — приговаривал отец, размещая морковь рядом с капустой. На самом верху гордо лежала пара килограммов «антоновки», самых ароматных яблок на свете!

Далее они гордо везли своё богатство домой, где под звук телевизора все вместе резали, мяли и укладывали в десятилитровые эмалированные вёдра пушистые белые перья, оживлённые всполохами натёртой моркови. На дно помещали яблоки — их очень любила мама: они за пару месяцев пропитаются рыжеватым капустным соком, станут восхитительно хрустящими и чуть газированными. Капусту плотно набивали в вёдра, сверху мама выкладывала белое холщовое полотенце, накрывала тарелкой, вокруг которой через пару дней образовывалась рыжая морковная пена. Когда она умиралась и появлялся прозрачный терпкий сок, можно было пробовать. Вёдра с капустой ставили зреть на балкон, там они и оставались даже в мороз. Здорово было вынырнуть в холод на балкон, впуская в комнату облако морозного воздуха, и набрать себе миску хрустящих витаминов.

Средний Витя средне учился в средней школе, самой обычной, районной. По правде сказать, это был старый район Москвы, застроенный и перестроенный в начале шестидесятых годов. В округе стояли блочные девяти- и двенадцатизэтажки,

многие из них были кооперативными. Кухня пять метров и две комнаты, девять и пятнадцать — предел мечтаний родителей, вступивших в кооператив и долгие годы гасивших взносы с каждой зарплаты.

Было ли некомфортно маленькому Витеньке в его мире? Нет. Он просто не знал другого. Как и все мальчишки, учился, гонял в футбол, прогуливал уроки, мечтал о велике, перепробовал массу кружков и, в отличие от остальных, нашёл один, который пришёлся по душе. Примерно в шестом классе мальчик не на шутку увлёкся резьбой по дереву — с учителем повезло.

• • • • •

После пятого круга воспоминаний под шум подземки Витя решил наконец покинуть Кольцевую ветку метро и следовать в сторону дома. Они привезли партию кофе для крупной сети кофеен. Но после дефолта в кофейнях упали продажи, товар завис, и заказчики решили расплачиваться по факту реализации. Вместо того чтобы доплатить за партию привезённого специально для них кофе,

милостиво разрешили оставить её у себя на хранение, затребовав предоплату назад.

Очередная Лена ждала его только к ужину и только с хорошими вестями, которых опять не было.

Ему почему-то хронически попадались девушки с этим именем. Знакомясь с новой претенденткой на звание жены, он уже знал, как её зовут, — Лена. Была даже мысль не начинать отношения, если имя сбудется. Да, с Ленами-Еленами не везло.

Ему было уже почти двадцать восемь лет; постоянной работы нет, семьи нет, и света в конце этого бесконечного жизненного туннеля тоже нет. На дворе стоял 1998 год, в городе и мире после очередного дефолта было, с точки зрения многих, тревожно и бесперспективно. Рублёвые накопления его родителей и многих друзей попросту обесценились. В течение нескольких месяцев курс рубля к доллару обвалился в три раза, инфляция взлетела до небес. А время «чёрного августа» запомнится на всю жизнь тем, кто всю эту самую жизнь копил и откладывал на чёрный день — который, собственно, и настал.

• • • • •

Перейдя в старшую школу, Витя начал кое-что понимать. В их девятый класс пришли новенькие. Они переехали в только что построенный современный дом из другого района Москвы. Их было несколько человек, и все отличались от обычных Витиных одноклассников. Какой-то особый лоск в них был. Родители новичков не вылезали из заграничных командировок, привозили им какие-то непривычные вещи, а сами ребята ходили на дополнительные курсы, занимались с репетиторами, хорошо знали английский, легко пропускали уроки и дерзили учителям. Они сразу сбились в кучку и к себе никого не принимали — получилась эдакая местная школьная элита. Все девчонки сразу захотели с ними дружить, а ребята стали друг перед другом красоваться и выпендриваться, борясь за внимание элитной группы. У них водились деньги, они постоянно чем-то менялись, что-то доставали, перепродавали импортные сигареты, модные пластинки. Витю они к себе не принимали — он, по мнению лидера этой самой группы, был слишком сер и никчѐмен.

В этот тяжёлый период он спасался своим увлечением, хотя в классе никто этого не понимал и многие смеялись. После уроков он шёл не домой, а к Павлу Петровичу в школьный полуподвал. Там находилась столярная мастерская, где проходили уроки труда у средней школы. Здание было старым, построенным в пятидесятом году — красный кирпичный фасад и белые колонны. Спускаешься по трём стёртым ступенькам, а под ногами нет-нет да и попадётся весёлый хрустящий завиток стружки. Влетаешь в класс, а там словно папа Карло трудится над своим Буратино.

Когда Витя в первый раз взял в руки перочинный ножик и под руководством Павла Петровича дотронулся до дерева, произошла магия — он так увлёкся процессом, что не заметил, как пролетел урок. В его руках обычный кусок дерева постепенно, от урока к уроку, превращался в игривого котёнка. Каждый из ребят вырезал своего персонажа. Витя всегда хотел котёнка, а родители не разрешали. С помощью учителя он буквально за несколько уроков вырезал своими руками настолько натурального котёнка, что все в классе восхитились, просили посмотреть, спрашивали, как у него это

получилось, какие инструменты он использовал. Впервые он понял, какое это счастье, когда у тебя что-то получается хорошо, сколько радости и удовлетворения от работы ты испытываешь, как это — из ничего сделать что-то, нужное другим.

— Молодец, Витя! Да у тебя способности к нашему делу. Вот будешь приходить регулярно — руку поставим, технику отработаем, и ты сможешь сам придумывать модели и создавать свои авторские вещи, — похвалил Павел Петрович.

Так он начиная с четвёртого класса и пропадал в столярной мастерской, ставшей его отдушиной. Буквально через год его работы стали отправлять на конкурсы, он начал занимать первые места на выставках декоративно-прикладного искусства среди ребят своего возраста.

К седьмому классу он уже достиг такого мастерства, что сам стал придумывать не только модели, но и сложные сборные конструкции. Делал механические игрушки и головоломки. Летом на каникулах ему случайно попала в домашней библиотеке толстенная книга Виктора Гюго «Человек, который

смеётся». Начал читать от скуки — вначале показалось, что очень занудно и затянуто, но потом увлёкся невероятной по нашим временам историей. Про мальчика с изуродованным лицом, Гуинплена, и его светлую любовь к маленькой, хрупкой и слепой Дее, которая не могла увидеть своего возлюбленного, узнать о его уродстве, поэтому считала его самым красивым на свете. Удивительно, как они могли быть счастливы, живя в таком ужасном и полном несправедливостей мире. Витю поразила история перевёрнутой жизни Гуинплена: он оказался сыном титулованных родителей, вернувшим свой титул, но потерявшим при этом свою любовь и ту жизнь, которая читателю казалась невыносимой, а для главного героя была подлинно счастливой.

Находясь под впечатлением от книги, он придумал и вырезал новую игрушку — Перевёртыша. На двух параллельных деревянных палочках двигалась вверх и вниз маленькая фигурка человечка. У него было два лица: одно — с леденящей гримасой вырезанной на лице улыбки, как у Гуинплена, второе — с улыбкой, наполненной счастьем и смыслом, с радостными глазами.